

Библиотеки, оплот мракобесия

Они могли бы стать прибежищем для интеллектуалов — но вместо этого превращаются в кладбища, где ничему живому места нет.

Этот текст я начинаю писать в университетской библиотеке Хельсинки, она же — Национальная библиотека Финляндии. Чтобы там работать, не нужно ни паспорта, ни фотографий, ни читательского билета, ни записи. В открытый фонд доступ прямо с улицы — он же открытый.

Я сижу в отделе свежих поступлений и листаю книгу Николаса О'Шаугнесса *Selling Hitler*, «Продавая Гитлера». В ней речь о том, что национал-социализм был продан немцам именно как товар, по законам маркетинга, — это стало революцией в политике XX века. А меня интересует, каким образом нации, группы, индивиды сходят с ума, покупаясь на дикие идеи и превращаясь из вполне приличных людей в негодяев.

В России мне этой книги не найти — разве что заказать на «Амазоне». Ее нет в каталогах ни «Иностранки», ни «Публички», ни «Ленинки». Я не знаю, как наши библиотеки закупают новинки на иностранных языках. Может, по минимуму: какой же дурак будет приходить и читать non-fiction на английском? Я, например, не дурак — идти фоткаться, записываться, подавать заявку, ждать... Это вам не Национальная библиотека Франции, которую проектировал Доминик Перро (тот самый, которого бортанули в Питере на строительстве нового Мариинского театра). В Париже ты садишься в любом приглянувшемся зале, а внутренняя система вагонеток, мини-метро, доставляет книгу. Именно это, рассказывают, вернуло молодым парижанам любовь к библиотекам и чтению.

У нас же любая библиотека, даже самая приличная, — это госучреждение. То есть тоска, строгость, учет и ограничения — нередко бессмысленные и нафталинные. Когда в Ночь музеев в филиале библиотеки Маяковского на Невском я стал листать какой-то альбом, юная бибработница старой гурзой зашипела на меня, что в отделе искусства на альбомы надо записываться.

Да тьфу тогда десять раз на ваши отделы искусства. Лучше пойду в соседний Дом Книги — он куда больше библиотека, чем вы. Книжные магазины вообще, чтобы выжить, резко изменились. Сделали доступ к книгам свободным, работают чуть ли не круглосуточно, заказы принимают через интернет, устроили кафе прямо среди книжных полок. Потому что магазины — дело частное, а библиотеки — государственное. А государственное дело сегодня на Руси — тоска да скука, скука да тоска.

Так с библиотеками было не всегда. В СССР они были отдушиной, убежищем от «совка» — как, собственно, и книги. В конце 1980-х, в подмосковном городке, где меня изобретательно травили на работе, районная библиотека была моим убежищем, и девчонки-библиотекарши, главные городские интеллектуалки, откладывали для меня то дефицитного Мейлера, то дефицитного Борхеса.

Кончилось все даже не с СССР, а с индустриальной эпохой.

Компьютерную революцию наши библиотеки прошляпили: не заметили, что информация отделилась от носителя и стала распространяться мгновенно и даром. Доступ к информации, передача, потребление — все стало меняться, как в калейдоскопе. И нестабильность (точнее, динамическая стабильность) стала сутью жизни. А библиотеки где были, там и остались. На кладбище бумажных носителей, читательских билетов, читальных залов.

По-хорошему, библиотеки должны были оцифровать свои фонды, начав с древних и редких книг, оцифровку перевести во все мыслимые форматы — и открыть ларчик с этими сокровищами всем желающим. Ну, а читальные залы превратить в кафе, лектории, места тусовок и просмотра периодики, в социальный клуб — это то, за чем в библиотеки еще имеет смысл ходить. И лишь каплю прежних площадей зарезервировать для архивных исследователей, аспирантов и консервативных читателей. Ах, да — а еще библиотекари должны были выйти на всероссийский марш протеста в те дни, когда президент Медведев подписывал закон о 70-летнем посмертном сроке действия авторского права, сыграв против потребителей информации в пользу крупных корпораций — держателей авторских прав. Из-за этого электронные библиотеки, если у них нет разрешений от правообладателей, вне закона. Но библиотекари слопали и это — не пискнули.

Я категорический противник авторского права в его нынешней форме, но пишу ради другой мысли: если ты перестаешь быть прогрессистом, то, сам того не желая, превращаешься в душителя прогресса. Перерождаешься, цепляешься за жизнь «по старине», как русские бояре.

Когда книготорговец и публицист Борис Куприянов был назначен главным библиотечным реформатором страны, он столкнулся с отчаянным сопротивлением. Например, библиотеки отказывались снимать с окон шторы (чтобы всем с улицы было видно, что внутри именно библиотека, а не клуб серых мышей). Аргументация, говорил потрясенный Куприянов, была такой: «Если снимем шторы — нас замучают эксгибиционисты». На полном серьезе!

Посмотрите, кстати, на окна наших библиотек. Они более убоги, чем витрины самого захолустного магазинчика. Куприянов и реформаторы реформу проиграли. Дело не в том, что библиотеки не готовы меняться внешне, — дело в том, что они потухли и протухли внутренне. Да, в Москве в Тургеневской библиотеке собирается порой «читалка Гутенберга», неформальный клуб знатоков нон-фикшн — но я не встречал знатоков нон-фикшн среди библиотекарей. Просто потому, что библиотеки проспали и вторую информационную революцию: переход книжного лидерства от «художки» именно к нон-фикшн.

Нестандартные мысли, мысли наперекор вообще многих библиотекарей пугают — в итоге вместо обслуживания мыслящего читателя они прислуживают начальникам. Именно поэтому библиотека Маяковского, числящаяся в Петербурге в новаторах, после визита к ней людей из ФСБ отказала от крыши «Диалогам» — одному из немногих интеллектуальных прорывов во все более провинциализирующемся Петербурге. Сделано это было не только из-за привычного, в кровь вьевшегося страха перед тайной полицией. Я помню, как злились сотрудницы Маяковки во время «Диалогов», что им работать не дают. Для

них работа — выдача книжек в тишине. Жизнь, кипящая и бурлящая в «Диалогах», этому кладбищу явно мешала.

Вот почему все новости из наших библиотек для живых людей пугающи. Это новости все больше о том, как запретили, обыскали, уволили. Включая последнюю, связанную с предполагаемым объединением «Ленинки» и «Публички». В «Публичке» объявили выговор главному петербургскому интеллектуалу, библиографу Никите Елисееву. Якобы он как-то не так сдал ключ и пнул дверь замдиректора, хотя, говорят, все дело в протестах Елисеева против объединения. Возможно, Елисеев (очкарик в весе пера) по характеру и правда потенциальный громила. Но он, повторяю, главный интеллектуал Петербурга и один из главных интеллектуалов страны. Который только что блестяще перевел и еще более блестяще прокомментировал «Историю одного немца» Себастьяна Хафнера — едва ли не главный нон-фикшн сезона. За одно это Елисеева следовало сделать почетным гражданином Петербурга. А выдавливать одни из лучших мозгов современности со службы — это как, не знаю, выгнать Ломоносова из Академии Наук. Хотя Ломоносов был алкаш, хамло, драчун и вообще гопник из Холмогор еще тот. Но — что поделаешь! — светило науки, интеллектуал и просветитель.

Повторю еще раз: как только ты изменяешь, простите банальность фразы, прогрессу и свободе, ты превращаешься в душителя прогресса и свобод. Кем быть — поощрителем или душителем — зависит не от характера или образования, а исключительно от определения себя по отношению к силовым линиям эпохи.

Посмотрите на сайты наших библиотек — это позор. В первую очередь потому, что информация почти не переводится в цифру. Мне пару лет назад потребовалось найти в дореволюционном «Огоньке» репортаж о том, как в редакцию журнала, дела которого были швах, издатель Проппер догадался привести живого слона (в Петербурге тогда водились слоны). По наивности я решил, что поход в читальный зал в 2010-х годах — давно изжитый атавизм, и уж pdf-файл можно получить онлайн. Зашел на сайт «Ленинки» — как бы не так! Переговоры же с библиотекой свелись к тому, что мне предложили выделить бибработника, который будет искать нужный текст вручную, и стоять это будет около 20 тысяч рублей. Россия, м-да, — кладбище слонов.

И профессиональным библиотечным позорам несть числа.

Страна сползает в третий мир, за окном реваншистское мракобесие, уровень образования опускается под плинтус — но какие книжные выставки устраивают главные библиотеки страны? «Экология природных заповедников», «Книга глазами дизайнера». Хотя делать надо выставки об истории атеистической мысли (начав с «Почему я не христианин» Рассела и закончив с «Почему я не христианин» Флаша), о становлении фашистских режимов или, не знаю, о западной футурологии, от Тоффлера до Шауба. Но нет. У нас скорее откроют церковь в читальном зале, чем дверь в XXI век.

Единственное, о чем заставляют сегодняшние российские библиотеки задуматься, — это о вопросе: что делать, если твой круг, твое окружение, твои коллеги и твоя страна занимаются угождением мракобесию и начальству (что сегодня в России почти одно и то же) вопреки интересам профессии и времени.

У меня ответ один — бросать круг, окружение, систему и даже страну, если по-другому никак.

Читателям в этом смысле проще — они из библиотек ушли, перешли в виртуальное пространство, сначала к электронной библиотеке Мошкова, потом к электронной библиотеке Траума, потом на «Флибусту», потом к запрещенной Роскомнадзором «Флибусте» через анонимайзеры и турборежимы.

Но тем, кто внутри системы, выходить из нее надо тем более. Внутри спасения нет. А мир — большой.

И служить мы должны не народу, не стране, а тому, что в наши мозги природой заложено. В конечном итоге эта служба оказывается для страны и народа куда более полезной.

Дмитрий Губин